М.С. Романова (Сайдукова)

БУРЯТИЯ, КАЛМЫКИЯ, ТУВА: ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ

Любые социологические замеры, тем более касающиеся такой тонкой материи, как этничность, требуют соответствующего внимательного подхода как в оценках, так и в выборе методов сбора информации. Понимание этого определило выбор в пользу проведения качественного социологического исследования – неформализованного экспертного интервью, в ходе которого, в отличие от методов количественной социологии, возможно непосредственное общение исследователя с экспертом. Опрос был проведен в трех национальных республиках России – Бурятии, Калмыкии, Туве, а также среди представителей этносов, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. Всего было опрошено 30 экспертов, по 10 из каждой республики. Экспертный опрос проводился и среди представителей этносов, проживающих в Монголии и Китае, однако рамки статьи не позволяют привлечь все собранные материалы. Поэтому здесь будет проанализирована «российская» часть результатов проведенного исследования, в частности, ответы экспертов на вопросы, касающиеся миноритарного или же, наоборот, мажоритарного положения титульного народа в своей автономии; клановости; этнического национализма; проблемы укрупнения регионов.

Авторы монографии «Этничность и раса: конструирование идентичности в меняющемся мире» справедливо отметили, что «особое значение сегодня приобретает реальное воплощение содержания этничности и расы, как его понимают сами представители этнических и расовых групп»[1]. С этим сложно не согласиться. Поэтому основной массив участников опроса – сами буряты, калмыки и тувинцы. Вместе с тем, как справедливо заметил один из моих калмыцких собеседников, любая внутренняя оценка попахивает трагизмом, а значит, требует коррекции за счет оценки внешней. Поэтому в ходе полевой работы мною были опрошены не только представители изучаемых народов, но и несколько этнических русских и евреев, постоянно проживающих в указанных реги-

[1] *Hartmann D., Cornell. S.* Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World. London, 1998., P.252.

онах и/или профессионально изучающих на протяжении нескольких лет бурят, калмыков и тувинцев.

Перед тем как перейти к анализу результатов опроса по обозначенным проблемам, сделаем несколько общих замечаний. В целом по сравнению с тувинскими респондентами бурятские и калмыцкие эксперты были более критичны в своих оценках. При этом буряты часто самокритичны. Отчасти это вызвано этнической принадлежностью исследователя, в беседе с которым любая критика носила «внутренний» характер. Более половины калмыцких экспертов (самый высокий показатель среди трех групп) дали достаточно жесткие оценки своей властвующей элите. Так же критично эти эксперты оценивали политику федерального центра, на которую отчасти возлагалась ответственность за поддержку президента республики, ухудшение межэтнических отношений в крупных российских городах.

Тувинские респонденты в оценках своего народа были либо комплиментарны, либо резко критичны. Последние (30%) сравнительно давно покинули республику и постоянно живут в российских мегаполисах. В целом тувинские респонденты на фоне большого внимания к внутриэтническим процессам и событиям, в отличие от бурятских и калмыцких участников опроса, продемонстрировали некоторую отстраненность от общероссийского контекста. На мой взгляд, степень заинтересованности групп экспертов разных этносов в общероссийских процессах, говорит об общем уровне вовлеченности народов в социально-политические процессы в стране.

Меньшинство и большинство

Все изучаемые народы имеют свои автономии на территории Российской Федерации, являются автохтонами своих этнических ареалов (локусов) и так называемыми титульными народами республик. По российским и международным канонам все три этноса признаются этническими меньшинства в государстве проживания. Буряты, в отличие от калмыков и тувинцев, составляют этническое меньшинство своей автономии. Вместе с тем они самый крупный автохтонный этнос Сибири и по общей численности превышают как тувинцев, так и калмыков.

Сложившиеся в республиках соотношения этносов, при всей их непохожести, а иногда и противоположности, одинаково часто стано-вится источником для разного рода этнополитических сюже-

тов, а иногда и политических спекуляций. Так, тувинцев обвиняют в политическом доминировании, сокращении доли нетувинцев в исполнительной и законодательной власти. Комментируя сложившуюся в республике структуру этнического представительства, большинство экспертов отметили, что в Туве это вопрос «не политики, а количества». И ситуация, когда большинство государственных постов в регионе заняты тувинцами лишь повторяет положение вещей в масштабах страны, где мажоритарный этнос превалирует во всех без исключения государственных федеральных структурах даже в большей мере, чем это роисходит в Республике Тува[1].

Бурятские респонденты миноритарность своего этноса в республике называют среди причин, мешающих осуществлению благоприятного, на их взгляд, сценария этнополитического развития народа.

Например, почти все участники опроса указали, что для Бурятии принципиально важно развивать отношения с соседней Монголией. Но налаживанию деловых и культурных контактов, по их мнению, мешают сложившиеся в советское время стереотипы о Монголии, которая «не заграница»; вторая причина как раз связывается с малой долей бурят среди населения региона.

Отношения с монголами не развиваются не потому, что нет желания эти отношения выстраивать. Я думаю, у большинства оно есть, но нас так мало в республике. Министр внешних связей республики за 4 года своей работы ни разу не съездил в Улан-Батор, хотя приглашение поступало не один раз.*

Вместе с тем в ходе беседы, тот же эксперт говорит о том, что сами буряты «смотрят на Монголию глазами русских», «взглядом «старшего» брата на младшего». Другой эксперт также считает, что ментальность современных бурят имеет много общего с системой ценностей других народов и этнических групп республики.

Ментальность почти одинаковая – что у семейских (этническая группа русских старообрядцев в Сибири), что у русских, что у бурят. Мы же больше русские стали, чем монголы. Поэтому ментальность одна, она забайкальская, сибирская.

---

[1] См. подробнее: *Романова (Сайдукова) М.С.* Этническое представительство в России и в Китае // Государственная служба.2008 №3 (53), май-июнь.

* Выделенный курсивом текст представляет собой фрагменты интервью, проведенные автором в 2006-2007 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Кызыле и Элисте.

В Республике Калмыкия титульный этнос – самая многочисленная группа населения (53,3%). При этом Республика Калмыкия – самый малочисленный регион страны – его населяют всего 292,4 тыс. человек.

Этнолог С.В. Соколовский отмечает, что, несмотря на доминиро-вание калмыков в органах высшего управления, значительное число руководителей среднего звена в органах управления и власти являются этническими славянами. Аналогичная ситуация, указывает он, сложилась в информационной и научно-образовательной сфере. Но упреки в «выдавливании славян из управленческих сфер» иногда все же проскальзывают в заявлениях представителей «Славян Калмыкии»[1].

По данным Института востоковедения РАН, изучавшего мнение молодежи республики, большинство русских респондентов отмечает сокращение количества и понижение уровня должностей, занимаемых русскими в государственных структурах республики, и видят в этом причину ухудшения межэтнических отношений. По мнению автора исследования, М.Н. Мухановой, отмеченный респондентами детерминизм небесспорен: «Реальное материальное и социальное положение русских в Республике Калмыкия в сравнении с другими этническими группами не изменилось». Она отмечает, что причины сложившегося мнения кроются скорее в новом и некомфортном для русской части населения ощущении себя этническим меньшинством в республике. Русские составляют второй по численности этнос республики и составляют 33,6%. Так что речь, скорее всего, идет о диссонансе между абсолютным превалированием русских в масштабах государства и положением второго по численности народа в Республике Калмыкия. «Русские, некогда осознавшие себя в качестве «старшего брата», оказались менее защищенными в психологическом плане именно на индивидуальном уровне», заключает Муханова[2].

---

[1] *Соколовский С.В.* Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М., 1997. С. 145.

[2] См.: *Муханова М.Н.* «Иные, другие» в контексте межнациональных отношений в республике Калмыкия / Россия и ее соседи: проблема этнических меньшинств: Пробл.-темат. сб. / РАН ИНИОН. Отв. ред. Ю.А. Щербакова. М., 2000. С. 31–32.

Клановость

По-разному тувинские и бурятские эксперты оценивают так называемую клановость, или трайбализм.

Когда мы говорим о демократических преобразованиях в Туве, то речь скорее идет о внешней стороне, что касается внутренних механизмов, там работают чисто традиционные вещи. Например, клановость. Это и раньше было, и сейчас есть. Но особенно стало проявляться в последние годы.

Для Тувы более актуальна власть клана. Под кланом я имею в виду совокупность не только родственных, но и дружеских связей.

Соответственно при смене властвующей элиты неизбежна так называемая война, в которой даже внешние по отношению к этносу акторы вынуждены принимать сторону одного из кланов.

Ооржака в республике поддерживали жители западных районов – «барумские», Кара-оола – центральная Тува (Улуг-хем, Танды), ну и, самое главное, – жители Кызыла. В свою очередь за Ооржаком стояли Нарусова и Пугачев с его «Межпромбанком», за Кара-оолом – Сергей Шойгу. Шойгу победи.

Бурятские эксперты, отвечая на вопрос о степени развитости трайбализма, отмечали, что он имеет место, но расходились в оценке степени его влияния на этнополитическую ситуацию в целом. Примерно треть экспертов говорила о том, что кланы в республике представляют собой неустойчивые земляческие общности, организующиеся по субтерриториальному принципу и активизирующиеся, как правило, во время выборных кампаний. В остальное время «клановая» активность актуализировалась в основном в пределах культурного пространства, достигала своего пика в период национальных праздников и этим исчерпывалась. По мнению четверых экспертов, гораздо большее значение имеет имущественное расслоение, нежели так называемая «клановая» идентичность. Некоторые эксперты вообще «отказывали» бурятам в трайбализме.

То, что люди во власти протежируют своим, помогают их бизнесу – это не клановость, а чисто человеческий принцип. Ну и что, что он берет к себе на работу так называемых своих: одноклассников, бывших коллег. Он это делает, потому что он их знает. Любой человек так делает. Брежнев из Днепропетровска своих тянул. Сталин приближал тех, с кем вместе в тюрьме сидел. В условия республики создается впечатление

что «свои» – это только родственники, потому что нас мало. На самом деле, это не совсем так. У бурят трайбализма или, как вы сказали, клановости, особенно нет.

Родственные связи в современной Бурятии уже не имеют очень большого значения. Есть кланы политических единомышленников, желание держаться друг за друга и оказывать помощь в разных ситуациях.

Анализ всех высказанных мнений позволяет утверждать, что большинство экспертов (70%) не склоны оценивать клановость как фактор, существенно влияющий на этнополитическую ситуацию в Республике Бурятия. Вместе с тем деление бурятских родов на западные и восточные до сих пор сохраняет свои позиции в коллективном сознании этноса, просматривается в социальных и отчасти в политических практиках. По мнению некоторых экспертов, в Народном Хурале существует некая фракция депутатов-бурят восточного происхождения. Однако она не включает всех соответствующих этим критериям членов парламента и официально никак не зарегистрирована. Исходя из этого речь, скорее, идет о группе единомышленников, имеющих общие интересы, но не субэтнического или субтерриториального, а более общего, например, финансового характера.

Острота субэтнического разделения среди современных бурят исчезает, причем довольно быстро. В контексте внешних возмущающих факторов, вызовов, внутренние негативные моменты быстрее стираются.

Западно-восточное разделение никак не институционализируется не только в республиканских легислатурах, органах исполнительной власти, но и на уровне общественных организаций. Существующие земляческие общины, во-первых, не объединяются в группы по принципу западного или восточного происхождения – каждое землячество ощущает себя полноценным участником этнокультурной жизни республики. Во-вторых, в состав практически каждой общины входят разные по своему географическому происхождению рода. Например, в восточных землячествах есть представители западных родов, предки которых когда-то перекочевали на восточный берег Байкала. Сами землячества не ставят перед собой политических целей, не выделяют каких-то особых (по сравнению с общеэтническими) интересов группы, и соответственно не отстаивают их в легислатурах разных уровней. В-третьих, далеко не все представители тех или иных родов принимают деятельное

участие в жизни землячеств. При этом «неактивисты» зачастую являются представителями как властвующей, так и контрэлит.

Несмотря на то, что разделение калмыков на несколько основных родов также никак не институционализируется в структурах власти Республики Калмыкия, по мнению половины калмыцких экспертов, родственно-клановые отношения существенно влияют на современную этнополитическую ситуацию в республике. Однако треть респондентов отметили, что так называемый улусизм скорее предмет политических спекуляций, чем реально существующая проблема.

Разногласия между родами есть, но не надо преувеличивать. Намного серьезнее политические противостояния, но там на каждой стороне представители разных родов.

Тема улусизма действительно каждый раз «всплывает» в прессе накануне очередных выборов. Общество не может не реагировать на заявления отдельных политиков о «бузавизации» власти и необходимости торгутского (дербетского) реванша. Поддерживая, таким образом, субэтническую идентичность, властвующая элита и контр-элиты придают культурно-историческим особенностям отдельных родов конкретный, часто негативный политический смысл. Учитывая бедность населения и серьезные социально-экономические проблемы республики, в дальнейшем это может привести к усилению фрагментации этноса. Вместе с тем, по мнению трети калмыцких экспертов, до тех пор пока будет сохраняется положительная динамика миграции из республик Кавказа, этническая идентичность в калмыцкой среде в целом будет превалировать над субэтнической.

Этнический национализм

В ходе беседы экспертам задавался вопрос об этническом национализме или шовинизме. Анализ высказанных мнений позволяет заключить, что обвинения в этническом национализме в качестве политического инструмента используются как представителями этносов, так и внешними акторами. Иными словами, речь идет не о реальных проявлениях шовинизма, а о приписывании его определенным, как правило, политически активным группам или отдельным персонам. Так, накануне назначения нового главы правительства Тувы в 2007 г., властвовавшая на тот момент элита, в своем обращении к Президенту РФ, подготовленном в анали-

тическом центре при правительстве Республике Тува, призывала его подтвердить полномочия Ш.Д. Ооржака на основании того, что он, в отличие от его политических конкурентов, «не националист». Главные оппоненты действующего главы – Д-О.А. Бичелдей и С. Конвиз, были названы в этом письме «ультранационалистами и шовинистами». По словам одного из экспертов, команда Ооржака тогда пыталась откровенно играть на традиционной озабоченности Центра сепаратистскими настроениями в национальных регионах страны. Один из калмыцких экспертов, отвечая на тот же вопрос, сказал, что президент республики К. Илюмжинов уже привычно называет всю оппозицию националистами, сепаратистами, прикормышами запада. То есть так же, как и команда экс-главы Республики Тува, пытается играть на опасениях Центра.

Нечто подобное, по мнению бурятских экспертов, предпринималось и бывшим руководством Республики Бурятия накануне назначения нового президента республики летом 2007 г. Во время консультаций с руководством Сибирского федерального округа, сторонники на тот момент действующего президента ссылались на публикации в прессе, в которых говорилось о реальности бурятского национализма[1]. То, что прежняя власть справлялась с этой «проблемой», приводилось в качестве аргумента за сохранение властвующей элиты. Тогда, по республике пошли слухи о том, что со сменой власти кое-кто может лишиться своих ниш в экономике региона:

Я общаюсь со многими бизнесменами. Приходилось не раз слышать от русских, что они выведут свой бизнес, если президентом поставят бурята.

Когда полномочия бывшего президента Республики Бурятия Л.Потапова все же не были подтверждены, СМИ объясняли это, в том числе тем, что экс-глава региона не справился с пресловутым бурятским национализмом.

Укрупнение регионов

Абсолютное большинство опрошенных экспертов озабочены последствиями в бурятском случае – уже свершившегося укрупнения, в двух других – не исключаемого укрупнения регионов за счет национальных автономий.

[1] *Гула А., Терентьева А.* У президента Бурятии истек срок годности // Коммерсант – Дальний Восток. 2007. 24 апреля

Руководствоваться вульгарным экономическим детерминизмом в таких сложных вопросах, как национально-государственное устройство, недопустимо. Это ни к чему хорошему не приведет. В отношении Калмыкии сейчас это нереально и не нужно.

Если Калмыкию сольют с Астраханью, будет хуже. При таком раскладе у калмыков не будет перспектив не только на развитие, но даже на сохранение.

Большинство тувинских экспертов считают, что «народ не даст это сделать». Четверо экспертов допускают такое развитие событий, но считают, что его результаты окажутся более чем сомнительными.

Зачем сегодня рубить сук, на котором сидим? Зачем использовать фактор культурного многообразия против себя? Есть очень сильные символы, они часть этнического самосознания каждого тувинца – тувинский герб, Конституция, территория, сама республика, наконец. Мы все понимаем, что российские автономии лишь отчасти автономны. Но иногда символы больше, чем реальность...

Сам по себе процесс укрупнения не плох и не хорош. Но в случае с национальными образованиями он довольно опасен, он создает лишний повод для недовольства центром, способствует росту межнациональной напряженности. Вот, например если присоединить Еврейскую АО к Хабаровску – никому ни жарко, ни холодно. А если Туву– к Красноярску… В каждом случае нужен индивидуальный подход. Регион, который еще в середине XX века был отдельным государством, нельзя рассматривать так же, как Корякский АО с 30-ю тысячами населения. Мне кажется, московские политики подумывают о присоединении Тувы, возможно, одна из главных задач Кара-оола – обеспечить такое присоединение в спокойном формате. Я считаю, это было бы большой ошибкой, значительная часть тувинского народа воспримет это как унижение. Ведь до сих пор многие люди в сельской местности считают, что они живут «в независимом государстве под покровительством России». Впрочем, на своей первой пресс-конференции Шолбан Валерьевич недвусмысленно высказался против присоединения Тувы к краю.

Губернизация уже затронула две бурятские автономии – Агинский и Усть-Ордынский округа, которые вошли в состав соответ-

ственно Читинской и Иркутской областей. Бурятские участники опроса по-разному оценивают результаты агинского и усть-ордынского укрупнений. По мнению троих из них, жители Усть-Ордынского округа «немного обрели после создания в 90-х самостоятельного субъекта, и мало что потеряли после его укрупнения», а в Аге «еще не осознали, чего лишились»:

Агинцы, потерявшие свою пусть относительную, но все же независимость, уже очень скоро почувствуют, что эти рамки убраны. Ведь границы существуют не только в объективном мире, они существуют и в сознании людей. Для одних они являются символом, значение которого трудно переоценить, для других – стопором. И то и другое необходимо и важно для нормальной жизни, стабильных межэтнических отношений в любой национальной республике, в любом национальном образовании страны.

Большинство бурятских экспертов (60%) в целом негативно оценивают результаты укрупнения, считают, что оно не решило социальных проблем населения и негативно сказалось на этническом самочувствие этноса. Высказанные оценки косвенно подтверждают результаты другого исследования, проведенного по заказу администрации президента Республики Бурятия в конце 2006 г. Всего в опросе приняли участие 66 человек. Его целью было выявить отношение экспертов к этническим проблемам бурят. Среди ответов на вопрос: «Какие этнические проблемы волнуют широкие слои бурятского народа», третьей по остроте проблемой была названа «территориальная разделенность и угроза потери Бурятией статуса республики». Объединение Усть-Орды с Иркутской областью было названо второй по значимости «негативной переменой, произошедшей в последние годы».

Укрупнение регионов многими рассматривается как повод для обвинения в целенаправленном расчленении, разделении бурятского этноса. Это влияет на умы отдельных представителей этноса и становится фактором этнического самоощущения. В результате, по моим наблюдениям, формируется депрессивность сознания, народ испытывает чувство обиды. И все действия государства рассматриваются через призму этнического и переносятся с государства на русский народ, составляющий большинство в стране.

Таким образом, большинство экспертов трех групп, в том числе и опрошенные русские и евреи, сошлись во мнение, что укрупне-

ние (или его вероятность) скорее добавляет проблем, чем решает их, актуализирует и политизирует этничность. Что в свою очередь, сказывается и на межэтнических отношениях. По данным управления по национальным вопросам при администрации президента Республики Бурятия, уровень толерантности в республике с начала 2006 г. до соответствующего периода 2007 г. снизился с 69% до 59%, т.е. на 10%, чего не наблюдалось в предыдущие годы.

Таковы мнения экспертов по четырем обозначенным в начале статьи проблемам. Если коротко, то эксперты считают, что тувинцы и калмыки, будучи мажоритариями в своих республиках, активно используют свое численное преимущество, которое отчасти перерастает в политическое доминирование этносов. Однако речь не идет о какой-либо сегрегации по этническому признаку по отношению к некалмыкам и нетувинцам. Буряты, будучи в меньшинстве в Бурятии, склонны видеть в этом причину нерешенности части своих этнических и социально-экономических проблем, но это мнение разделяют не все эксперты. Большинство опрошенных не отмечают реальных проявлений этнического национализма в республиках, по их мнению, почти всякий раз речь идет об политических спекуляциях в процессе борьбы за власть, «где все средства хороши». Бурятские и калмыцкие эксперты разделяют точку зрения о «выборных обострениях» так называемой клановости или улусизма. Тувинские респонденты придерживают иного мнения, считая, что трайбализм сохраняет и даже укрепил свои позиции в республике в последние годы. Наибольшее единодушие эксперты продемонстрировали при ответах на вопрос по проблеме укрупнения регионов, которое в целом довольно критично оценивается экспертами.

Конечно, этническая реальность в каждой из трех республик не ограничивается упомянутыми сюжетами. Она намного сложнее и многограннее. Вместе с тем анализ интерпретаций экспертов, которые во многом определяют и формируют мнения в тувинской, бурятской и калмыцкой этнической среде, позволяет глубже понять сущность и механизмы современного этнополитического развития трех народов.